

Юрий Петров: В академическом журнале

Yuriy Petrov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): In the academic journal

DOI: 10.31857/S2949124X25020043, EDN: DPAXYM

Наше знакомство с С.С. Секиринским относится к концу 1980-х гг., когда исполняющий обязанности главного редактора журнала «История СССР» К.Ф. Шацилло пригласил меня, молодого неопытного историка, недавно защитившего кандидатскую диссертацию, на ответственную должность редактора отдела XIX – начала XX в. С Корнелием Фёдоровичем мы вместе работали в Секторе истории буржуазно-демократических революций Института истории СССР АН СССР, мне глубоко импонировала личность этого блестящего учёного и порядочного человека, поэтому на лестное предложение ответил согласием без долгих размышлений. На дворе была «перестройка», журнал нуждался в обновлении, и Шацилло, в прошлом флотский офицер и либерал по мировоззрению, не связанный никакими иными чиновничьими постами, как нельзя лучше подходил на роль нового капитана.

В редакции, которая тогда размещалась на Кузнецком мосту, работали высокопрофессиональные специалисты с большим стажем: заместители главного редактора М.А. Рахматуллин и Е.И. Пивовар, ответственный секретарь Ю.В. Мочалова, М.Ф. Гржебин, Р.В. Костина, Л.Н. Полторацкая, М.П. Польский и др. К людям моего поколения относился, пожалуй, только один редактор, высокий (редакционная кличка «семафор»), улыбчивый и доброжелательный Сергей Сергеевич, который, как и я, недавно пришёл в журнал и помогал советами в ходе неизбежного «притирания» в коллективе.

Почти 15 лет мы работали вместе. Сергей Сергеевич вскоре возглавил отдел советской истории. Вспоминается, как в августе 1991 г., во время путча, встретились в Исторической библиотеке, где оба работали над срочными проектами (как понимаю, Сергей писал тогда книгу «Родословная российской свободы»), и долго говорили в курилке о происходивших в стране событиях, делились гнетущим чувством, возникшим после самопровозглашения ГКЧП. «Только почувствовали воздух свободы, и вот на тебе...», — заметил Сергей, выразив общее пессимистическое настроение.

Победившая свобода принесла журналу не только благо. Помещение в престижном доме на Кузнецком мосту пришлось освободить, редакция переехала в здание Института истории СССР на улице Дм. Ульянова, 19. Здесь наши столы оказались в одной комнате, и до определённого момента творческие карьеры развивались вполне синхронно. При новом главном редакторе С.В. Тютюкине мы одновременно вошли в редколлегию журнала, называвшегося с 1992 г. «Отечественная история», и даже докторские диссертации защитили в один год (1999). Не все коллеги по достоинству оценили представленный Секиринским текст. В кулуарах доводилось слышать, что фигура Боборыкина, находившаяся в центре работы, не заслуживает столь пристального внимания. Однако мне было очевидно, что рукопись Сергея и по содержанию, и по форме является новаторским трудом, и он безусловно вошёл в элиту исследователей отечественного либерализма.

Не скажу, что мы были друзьями, но точно стали добрыми приятелями и коллегами. Мне всегда импонировало неординарное стремление Сергея

развивать необычные журнальные формы, будь то новаторские по тем временам «круглые столы» или коллективное обсуждение значимых научных трудов. Главной чертой его творческой манеры было обострённое чувство нового, поиск незаезженных путей в постижении прошлого, что затем столь ярко проявилось в его журнале «Историк и Художник». Нельзя не упомянуть и про свойственную ему саркастичную, но не желчную иронию, умение привлечь внимание собеседника острым, порой парадоксальным и даже эпатажным вопросом, который неизменно задавался с лёгкой усмешкой, смягчавшей резкость и, возможно, скрывавшей истинный смысл обращения. Благодаря этим особенностям своей натуры Сергей Сергеевич царил на редакционных «посиделках». Любимец всей редакции, особенно дам, он умел придать любому формальному собранию завораживающий блеск интеллектуального пиршества. Его традиционные «пикировки» с М.А. Рахматуллиным и другими представителями мужской части коллектива, колкие, но не обидные, создавали то чувство творческой свободы, которое было присуще журналу на рубеже XXI в.

С моим уходом в 2004 г. из редакции и Института российской истории наши пути на время разошлись, но контакты продолжались, и Сергей не раз приглашал меня на заседания клуба созданного им тогда журнала «Историк и художник». Они проводились в Палашевском переулке и запомнились характерной атмосферой творческой игры, за которой угадывалось вполне серьёзное стремление Сергея объединить усилия интеллектуалов ради приближения к мистической загадке минувшего. При редких встречах после прекращения издания у него постоянно чувствовалась боль утраты любимого детища, ставшего жертвой финансового кризиса.

Новый этап наших отношений наступил в 2011 г., когда я вернулся в Институт в качестве директора. Сергей обратился с просьбой принять его в штат Института, чтобы активнее заниматься наукой. Парадокс заключался в том, что, проработав более 20 лет в журнале издательства «Наука», этот блестящий учёный никогда формально не был научным сотрудником. Конечно же, эта несправедливость была исправлена, и Сергей, зачисленный в Центр по изучению отечественной культуры ИРИ РАН, взялся изучать «наполеоновский миф в России». В течение года ему удалось глубоко войти в эту новую, крайне важную, но малоисследованную тему, подготовить раздел коллективной монографии, выпущенной к 200-летию Отечественной войны 1812 г., и сделать доклад на заседании Бюро Отделения историко-филологических наук РАН. Аналитическое и в то же время образное выступление произвело сильное впечатление на весьма взыскательную аудиторию. Нет сомнения, что со временем из-под его пера вышла бы очередная талантливая книга...

Однако полностью сосредоточиться на научном творчестве мешала ситуация в журнале теперь уже (с 2009 г.) «Российская история», судьба которого нам обоим была безразлична. Между тем к этому времени он явно оказался в кризисе: наметилась утрата прежних лидирующих позиций и значения в научном сообществе; издание, освещавшее ранее широкий спектр проблем и демонстрировавшее разнообразие исследовательских подходов, превращалось в узкий «направленческий» орган некой «аналитической истории», сводившейся на практике к социологизации представлений о прошлом. Приоритеты определялись не объективными потребностями отечественной науки или тенденциями мировой историографии, а небесспорными личными предпочтениями главного редактора А.Н. Медушевского, который при ограниченном объё-

ёме и обширном «портфеле» журнала считал возможным публиковаться почти в каждом номере. Однако весной 2012 г. срок его полномочий истекал.

Мне казалось, что Сергей был единственным человеком, способным вернуть «Российскую историю» в академическое поле. В нём удивительно сочетались профессионализм, высокий научный авторитет и умение ладить с самыми разными людьми, авторами и читателями журнала. Обращаясь к Учёному совету ИРИ РАН, он утверждал: «Главное человеческое свойство, которым, на мой взгляд, должен обладать главный редактор, и которое на этом посту становится уже немаловажным профессиональным качеством, это — отзывчивость, коммуникативность, общительность, “людскость”, как иногда говорили в XIX веке; это способность работать в режиме постоянного диалога на всех уровнях и по самым разным направлениям».

Уникальность своей кандидатуры Сергей понимал и сам, но решение далось ему непросто, поскольку приходилось жертвовать собственными научными планами и преодолевать недавний травматический опыт руководства «Историком и Художником». Тем не менее при выдвижении на пост главного редактора он поставил перед собой амбициозную задачу, заявив: «В идеале наш журнал должен быть зеркалом того лучшего, что есть в научном сообществе; трибуной, открытой для обоснования самых различных мнений, и вместе с тем высокой планкой, преодолеть которую дано не каждому автору. Особо подчеркну активную роль журнала, которому, на мой взгляд, под силу стимулирование научного поиска, а также процессов интеграции и самоопределения профессионального сообщества всех историков-россиеведов». Эту позицию поддержали абсолютное большинство членов Учёного совета ИРИ, Бюро Отделения историко-филологических наук и Президиум РАН.

Взявшись за дело, Сергей Сергеевич наметил программу развития журнала, задумал и отчасти подготовил ключевые материалы 2013 г. и в первый же день после утверждения в должности попросил дирекцию Института установить надбавки сотрудникам редакции, не напоминая при этом о себе. Редкий альтруизм сближал С.С. Секиринского с его героями — либералами прошлого.

Татьяна Филиппова: Незавершающийся диалог

Tatiana Filippova (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow): Ongoing dialogue

DOI: 10.31857/S2949124X25020057, EDN: DPBPCR

Все наши встречи с Сергеем — с бесконечными разговорами и спорами; все перезвоны с обсуждением только что пришедших в голову мыслей (как только наши родные терпели эти многочасовые «висения» на телефоне!!!); все с блеском проведённые им научные и публицистические «толковища»; все журнальные и издательские проекты (осуществлённые и задуманные); все публикации с подписью «С.С. Секиринский» — *всё это* не ушло в прошлое. И поэтому никак не может быть названо ритуально-финальным словом «наследство». Такие учёные, издатели, редакторы и литераторы (настаиваю на этом слове), как он, просто не «помещаются» в минувшем. Свойство и судьба «нарушителей академического спокойствия», каким, безусловно, был Сергей Секиринский, — оставаться в *настоящем*. Чтобы в науке и исторической журналистике «задавать